Генеральная Ассамблея

Distr.: General
12 July 2021
Russian
Original: English

Семьдесят пятая сессия
Пункт 103 повестки дня
Всеобщее и полное разоружение

Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 9 июля 2021 года на имя Генерального секретаря

Хотел бы привлечь Ваше внимание к срочному вопросу, касающемуся деятельности Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО).

Как Вам известно, с 6 по 9 июля в Гааге проходила девяносто седьмая сессия Исполнительного совета ОЗХО. Одним из наиболее спорных вопросов на сессии стал проект доклада ОЗХО 2020 года об осуществлении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Этот доклад не является консенсусным документом; в нем содержится ряд положений, касающихся деятельности так называемой Группы по расследованию и идентификации (ГРИ), которая была создана в нарушение статьи XV Конвенции. Россия, которая, как и многие другие страны, считает, что Группа нелегитимна и посягает на мандат Совета Безопасности, открыто выступила против содержащихся в проекте доклада упоминаний Группы во время обсуждений в Исполнительном совете (см. заявление в приложении).

Поэтому мы были озадачены тем, что этот спорный проект был распространен среди государств-членов в записке Генерального секретаря об осуществлении Конвенции (A/76/111) еще 28 июня 2021 года, т.е. еще до начала официального обсуждения этого вопроса в Исполнительном совете. Мы приняли к сведению Ваше пояснение относительно того, что это было сделано по просьбе ОЗХО. В этой связи мы хотели бы подчеркнуть, что подобная просьба нарушает подпункт a) пункта 21, подпункт b) пункта 32 и подпункт b) пункта 38 статьи VIII Конвенции. Учитывая все это, а также время распространения проекта, мы не можем не рассматривать этот шаг Технического секретариата ОЗХО как политически мотивированный.

Это еще одна иллюстрация того, что Технический секретариат не справляется со своими обязанностями беспристрастного блюстителя Конвенции, в дополнение к его далеко не лучшему послужному списку за последнее время. Мы по-прежнему глубоко обеспокоены тревожной динамикой в ОЗХО, вызванной попытками определенных государств политизировать ее деятельность, превратив эту прежде авторитетную техническую организацию в геополитический инструмент.

Просьба отправить на вторичную переработку

Буду признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Генеральной Ассамблеи по пункту 103 повестки дня.

(*Подпись*) Василий **Небензя**

Приложение к письму Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 9 июля 2021 года на имя Генерального секретаря

[Подлинный текст на русском языке]

Выступление посла А.В. Шульгина, Постоянного представителя Российской Федерации при ОЗХО, на девяносто седьмой сессии Исполнительного совета (по пункту 9 повестки дня «Проект ежегодного доклада ОЗХО об осуществлении Конвенции о химическом оружии в 2020 году»)

Уважаемый г-н Председатель,

Прежде всего, хотели бы поблагодарить Секретариат за подготовку проекта доклада ОЗХО об осуществлении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении в 2020 году (EC-97/CRP.1 от 17 мая 2021 года). Это объемный многостраничный материал, который мы внимательно изучили и хотели бы обсудить с членами Исполнительного совета ряд пунктов, которые вызывают у нас серьезные замечания.

Во-первых, Российская Федерация в принципиальном плане возражает против включения в проект доклада положений, относящихся к деятельности нелегитимной Группы по расследованию и идентификации (ГРИ). Речь идет о пунктах 1.32-1.36 и 1.38-1.40 упомянутого документа.

Российская сторона неоднократно подчеркивала, что атрибутивная деятельность не предусмотрена положениями Конвенции, а решение четвертой специальной сессии Конференции государств-участников (КГУ) «Преодоление угрозы применения химического оружия» (документ C-SS-4/DEC.3 от 27 июня 2018 года) выходит за рамки компетенции КГУ и вторгается в исключительные полномочия Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Мы не можем согласиться и с тем, что выводы ГРИ «основаны на сочетании, последовательности и подтверждении полученной информации после тщательной оценки ее доказательной ценности по широко распространенной методике в соответствии с передовой практикой международных органов по установлению фактов и следственных комиссий. У нас нет также оснований полагать, что «при проведении своих расследований ГРИ придерживалась применимых процедур ОЗХО, в том числе касательно обеспечения сохранности вещественных доказательств». Согласно принципам, зафиксированным в КЗХО и внутренних регламентах ОЗХО, инспектора обязаны выезжать на место происшествия предполагаемого инцидента и самостоятельно отбирать пробы. На практике же Миссия по установлению фактов получает пробы «из третьих рук», зачастую — от НПО с сомнительной репутацией и даже террористических организаций, ведущих деятельность на сирийской территории. Говорить о соблюдении упомянутых принципов со стороны ГРИ и вовсе абсурдно.

Категорически возражаем против того, что передача Секретариатом информации, связанной с расследованиями ГРИ, в Международный беспристрастный и независимый механизм в октябре и ноябре 2020 года была произведена «в соответствии с действующими правилами и политикой ОЗХО по обеспечению конфиденциальности». Позиция России на этот счет неоднократно доводилась до сведения Секретариата и государств-участников. Считаем, что Секретариат

превысил свои полномочия, самостоятельно заключив соответствующий международный договор (так называемый Меморандум о взаимопонимании) с данной структурой в нарушение пункта 34 статьи VIII КЗХО, хотя подобным правом обладает исключительно Исполнительный совет. Наряду с тем, что Механизм не может считаться легитимным, КЗХО в принципе не предусматривает возможность подобного рода прямых контактов Секретариата с органами Организации Объединенных Наций. Кроме того, положения упомянутого Меморандума идут вразрез с Приложением по конфиденциальности к КЗХО и Политикой в области конфиденциальности ОЗХО о непередаче защищенных данных Организации вовне без согласия заинтересованного государства.

Во-вторых, не соответствует действительности содержание п.4.11 о якобы проведении Генеральным директором 12 мая 2020 года интернет-брифинга для членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Подобной встречи Совет не проводил, два постоянных члена — Россия и Китай — в упомянутом мероприятии участия не принимали. Личная встреча Генерального директора по приглашению Постоянного представителя Эстонии при Организации Объединенных Наций с группой государств-участников Конвенции, являющихся по стечению обстоятельств также членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, ни по форме, ни по содержанию официальным мероприятием Совета Безопасности не является. О ней нет упоминания и в ежегодном докладе Совбеза Генассамблее Организации Объединенных Наций за 2020 год (A/75/2).

В-третьих, вызывает недоумение и, по нашему мнению, требует корректировки п.1.29, в котором Секретариат необоснованно берет на себя полномочия Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по оценке полноты выполнения Дамаском положений резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 2118 (2013), а за Исполнительный совет оценивает выполнение решения его 33-й спецсессии (документ EC-M-33/DEC.1). Ни Совет Безопасности, ни руководящие органы ОЗХО подобных полномочий Секретариату не давали.

В-четвертых, вызывает серьезные вопросы п.1.41 относительно оказания Секретариатом технического содействия Германии в связи с ситуацией вокруг А. Навального. Содержащаяся в этом параграфе информация фактически подтверждает то, что произошедшее с российским блогером стало результатом четко спланированной за пределами России провокации. Так, Секретариат признает, что по просьбе Германии направил (deployed) группу для оказания технической помощи в связи с подозрением на отравление российского гражданина еще аж 20 августа 2020 года! То есть как раз в то время, когда у А. Навального, находившегося на борту рейса №2614 российской авиакомпании «S7» по маршруту Томск-Москва, начали появляться первые признаки ухудшения состояния здоровья с последующей его госпитализацией в городе Омск. Хотели бы получить вразумительные объяснения на этот счет. Просим также Секретариат пояснить, почему в проект не включена информация о том, как не была удовлетворена просьба Российской Федерации об оказании ей технического содействия по пункту 38 e) статьи VIII КЗХО.

В связи с вышесказанным Российская Федерация выступает против передачи на рассмотрение Конференции доклада об осуществлении Конвенции в 2020 года в его нынешнем виде и предлагает исключить следующие пункты: 1.32-1.36, 1.38-1.40 и 4.11. Выражаем готовность провести консультации «на полях» сессии с заинтересованными делегациями и с участием представителей Секретариата. В противном случае в отсутствие консенсуса предлагаем

провести голосование в соответствии с правилом 45 правил процедуры Исполнительного совета по «пакету» из следующих пунктов: 1.32-1.36, 1.38-1.40 и 4.11.

Прошу распространить это выступление в качестве официального документа сессии и распространить его в сети Экстранет и на веб-сайте Организации.